

Мастера гравировки осваивают новый материал — китовые ребра. Они создают крупные гравированные изображения, которые хорошо читаются с большого расстояния. Это своего рода декоративные панно, отражающие привычные охотничьи сюжеты.

Работа с новым материалом только началась. Продemonстрировав большие потенциальные творческие возможности мастеров, она свидетельствует о том, что древнее искусство, получившее в советское время новое содержание, продолжает развиваться, рождая новые формы самовыражения. В этом жизненность глубоко своеобразного искусства чукчей и эскимосов, художественную ценность которого убедительно показала прошедшая выставка.

Выставка поставила и ряд проблем, связанных с развитием чукотско-эскимосского искусства, которое всегда привлекало пристальное внимание ученых, общественности.

В 1970 г. в журнале «Советская этнография» была помещена статья, посвященная проблемам развития этого искусства. В ней высказывалась тревога по поводу утраты в 1950—1960-е годы ряда ценных художественных традиций чукотско-эскимосской пластики и гравировки по кости, рассказывалось о методах работы сотрудников Научно-исследовательского института художественной промышленности с народными мастерами Чукотки, направленной на возрождение и развитие национального своеобразия этого искусства, ставилась проблема подготовки кадров².

Прошедшая выставка наглядно показала, что в пластике и гравировке чукчей и эскимосов проявляются положительные тенденции, усиливаются черты декоративности, выразительности скульптурной формы, рисунка. Это отмечалось и в выступлениях участников обсуждения выставки, на котором присутствовали археологи и этнографы, художники и искусствоведы, ответственные работники Магаданского облисполкома.

Положительную оценку получила и работа с новыми материалами — костью кита, начатая резчиками Уэленской мастерской при консультациях сотрудников НИИ Художественной промышленности. Отмечалось, что кость кита не может рассматриваться просто как заменитель моржового клыка, так как она предполагает развитие новых, более монументальных и обобщенных форм художественного выражения.

В выступлениях участников обсуждения затрагивалась проблема подготовки национальных кадров. Формы решения этих вопросов могут быть разными: ученичество, обучение в школах на уроках труда, организация художественных школ-интернатов и специального училища декоративного искусства народов Севера.

Отмечалось, что не организована работа с мастерами-надомниками, владеющими еще традиционными видами художественного ремесла.

Трудно переоценить важность этих вопросов для народа, сохраняющего удивительную способность к рисованию и резьбе.

Видимо, на решение этих вопросов должны быть направлены усилия организаций, причастных к судьбе самобытного искусства чукчей и эскимосов.

Т. Б. Митлянская

² И. Л. Карахан, Т. Б. Митлянская. Проблемы современного чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости. — «Сов. этнография», 1970, № 1, с. 144—150.

КОРОТКО ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ

В соответствии с перспективным планом этнографического изучения русского населения Среднего Урала кафедрой истории СССР досоветского периода Пермского государственного университета в июле 1976 г. была организована вторая экспедиция на север Пермской области¹. В Соликамском районе были обследованы: села Уролка, Сиринское, деревни Тимина, Семунина, Илаб, Андреева, Оськина, Пальники, Крутики, Кругляшка, Бурена, поселок Басим Урольского сельсовета, село Ульва одноименного сельсовета, а также деревни Ош-

вожь, Чюзева, Россохи, Лечканово Березовского сельсовета Усольского района. Все поселения расположены в верховьях р. Уролки и по притокам р. Кондаса. В работе приняли участие 8 студентов исторического факультета. Руководил экспедицией преподаватель Г. Н. Чагин.

Экспедиция уделила большое внимание изучению хозяйства русского населения, истории поселений, их планировке, народному костюму, быту. Тщательно обследовались все жилые и хозяйственные постройки. Собирались также сведения по календарной обрядности, записывались предания и топонимический материал. Все

¹ О результатах первой экспедиции см.: «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 164.

полевые исследования велись по тематическим вопросникам. Было опрошено около 200 местных жителей, сфотографированы на черно-белую и цветную пленку этнографические объекты и вещи, сделаны зарисовки интерьеров и интересных экспонатов. Участники экспедиции пытались ретроспективным путем выявить ранние этапы этнической истории населения этого района.

В прошлом население занималось здесь земледелием, заготовкой леса и его сплавом, ямской гоньбой. Охота и рыболовство носили подсобный характер. Основными типами поселений были деревни. В конце XIX в. стали появляться выселки. Удалось найти 12 официальных планов деревень 1880—1890 гг., по которым можно реконструировать формы поселений и планировку усадеб. Бытовавшая здесь беспорядочная застройка в конце XIX в. была заменена уличной.

На протяжении XVII—XX вв. устойчиво сохраняется один тип жилого дома — трехкамерная связь. До 70—80-х годов XIX в. она бытовала в варианте: жилое помещение на подклете, холодные сени, хозяйственная клеть на погребке, везде позднее переделанная под вторую жилую избу. До 1930-х годов сохранялись курные избы. К жилому дому сзади вплотную примыкает двухъярусный двор, а к сеням по фасадной стороне — высокое «на ряжах» крыльцо с лестницей. На некоторых постройках сохранились самцовые крыши. Такое соединение жилых и хозяйственных построек называют северным словом «хоромы». Внутренняя планировка жилого помещения везде северорусского варианта. В с. Ульва обнаружен жилой дом с клетью, которая имеет обламную конструкцию.

Получен богатый материал по народному костюму, выявлены его ранние и поздние варианты. В собранной коллекции одежды — 18 юбок, сшитых из разнообразной домотканой льняной пестряди, а также из полосатой шерстяной ткани (юбки-сукманки).

Приобретены некоторые орудия обработки волокна, шерсти, прядения и ткачества. Особенно интересны копыльные прялки (*пресница* или *прешница*), простыми и строгими линиями напоминающие северодвинский тип прялок.

Экспедицией собраны разнообразная берестяная, деревянная и плетеная из корней посуда, предметы домашнего обихода,

сельскохозяйственные орудия, предметы резьбы и росписи по дереву, изделия кузнецов. Записана местная терминология.

Реконструирован годовой цикл крестьянских работ, получены сведения о народных праздниках и обычаях, что дает возможность понять особенности быта и духовной культуры крестьян. Записаны предания о чуде, которые могут быть использованы в качестве исторического источника.

Материалы экспедиции показывают, что хозяйственные традиции, материальный быт, духовная культура, местная терминология Соликамского и Усольского р-нов имеют много общего с материальной и духовной культурой Северо-Двинского бассейна. Этот вывод, основанный на изучении нового этнографического материала, вполне согласуется с утвердившимся в советской историографии мнением, что русское старожильческое население Северного Прикамья пришло из Центрального Поморья.

Все полевые записи и 130 предметов переданы на постоянное хранение в Соликамский краеведческий музей.

Г. Н. Чагин

* * *

В июле — октябре 1976 г. автор заметки по заданию сектора Севера Института этнографии АН СССР совершила поездку по Якутской АССР с целью сбора полевого материала по теме «Современные этнические процессы в Центральной Якутии». Предстояло выявить, каким образом сложилась современная этническая ситуация и каков облик якутского этноса в наши дни, нужно было также разобратся в языковой ситуации, т. е. установить, в каких сферах жизни применяется якутский язык, каковы его функции и речевое поведение в различных типах поселений, выяснить особенности двуязычия.

Одна из главных задач состояла в изучении межнациональных отношений, в частности, в выявлении влияния на этнические процессы национально-смешанных браков.

Наряду с этим большое внимание уделялось исследованию культурно-бытовых процессов.

Маршрут экспедиции проходил по Алексеевскому, Мегино-Кангаласскому, Намскому, Чурапчинскому, Амгинскому, Сунтарскому, Ленинскому, Вилюйскому, Верх-

не-Вилуйскому, Орджоникидзевскому и Олекминскому районам Якутской АССР.

Собранные материалы свидетельствуют об изменениях в хозяйстве, типах жилищ и поселений, в одежде, обуви, о стирании былого деления якутов на три локальные группы: лено-амгинских, вилуйских, олекминских; о нивелировке материальной и духовной культуры этих групп.

Анализ статистических данных архивов загсов городов Мирного, Вилуйска, Олекминска, рабочих поселков Покровска, Нюрбы, а также поэзийственных книг сел Амги, Майи, Сунтар, Чурапча, Ытык-Кюель, Намцы, Верхне-Вилуйска показал, что при сохранении устойчивой тенденции к замкнутости брачных отношений якутского этноса в Центральной Якутии наблюдается увеличение числа межнациональных браков.

Собранный материал обрабатывается.

Д. Г. Брагина

* * *

С 18 октября по 13 декабря 1976 г. в соответствии с планом работы сектора народов Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР продолжались начатые в 1974 г. этнографические исследования в городах Таджикистана — Душанбе, Орджоникидзебаде, Кулябе, Уратюбе и Исфаре.

Цель проводимых исследований — сбор материалов для монографии «Этнический состав и этнографические особенности быта городского населения Таджикской ССР», представляющей региональное исследование по разрабатываемой Институтом этнографии большой проблеме «Этнокультурные аспекты современного образа жизни народов СССР».

Главное внимание было уделено сбору материала методом непосредственного наблюдения, путем бесед с информаторами. Собирались в основном данные по современной одежде различных возрастных групп и социальных слоев таджиков, проживающих в городах. Изучены комплексы современной одежды таджиков-горожан, в которых сочетаются элементы традиционного и современного европейского костюма.

В ходе сбора материала ярко прослеживается влияние социально-экономических условий и этнографической специфики на современную одежду таджиков в изучаемых городах.

Собирался также статистический материал в архивах загсов по однонациональной и смешанной брачности в изучаемых городах за 1975 г. Сделаны записи по некоторым семейным обрядам.

Собранные материалы (записи, фото-плёнки) обрабатываются.

Л. Ф. Моногарова

* * *

В сентябре-октябре 1976 г. по плану работы сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР автором настоящей заметки на Западном Памире собирался полевой материал в Ишканишском, Шугнанском и Рушанском районах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР по теме: «Обряды и обычаи, связанные с циклом сельскохозяйственных работ у припамирских народностей в XIX — начале XX века».

Цель проводимых полевых исследований — сбор материала для коллективного труда «Историко-этнографический атлас Средней Азии и Казахстана».

За время полевых работ собран интересный материал по обрядам и обычаям, связанным с патроном земледелия «Дедом Земледельцем» — «Бобои Дехкон» или «Шогун». В этом цикле обрядов прослеживается культ плодородия.

В Рушане, Бартанге и Шугнане собраны материалы по обычаям и обрядам, посвященным началу нового сельскохозяйственного года, совпадающего у всех мусульманских народов Востока с празднованием Нового Года «Наврӯз» (у припамирских народностей — «Шогун боор»), приходящегося на дни весеннего равноденствия — 20—22 марта.

На Западном Памире собраны материалы, свидетельствующие о пережитках культа Солнца, антропоморфизации небесных светил и их влиянии на жизнь и хозяйственную деятельность людей, имеющие важное значение и для изучения традиционной космогонии.

Полевые материалы обрабатываются.

И. Мухиддинов

* * *

Осенью 1976 г. под руководством научных сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского института искусствозна-

ния (ВНИИИ) Министерства культуры СССР музыковедов-фольклористов Э. Е. Алексеева и Н. М. Владыкиной-Бачинской были проведены две фольклорные экспедиции — в Монголию и в Мордовскую АССР.

В экспедицию, работавшую в Монголии в составе 5 человек, входили представители Союза советских композиторов СССР (ССК), ВНИИИ, Бурятского Института общественных наук СО АН СССР и Всесоюзной студии грамзаписи «Мелодия». Руководил экспедицией Э. Е. Алексеев — заместитель председателя Всесоюзной фольклорной комиссии ССК.

Участники экспедиции от 30-ти исполнителей записали 180 образцов народной монгольской музыки различных жанров: эпоса (улигеров), протяжных песен, песен скотоводов, пастухов, песен, исполняемых во время национальных праздников, спортивных состязаний, детских игр и др.

Среди исполнителей преобладали мужчины. Наиболее интересные певцы — житель Средне-Гобийского аймака Ш. Пунцаг, 66 лет (от него записаны ценные образцы протяжных песен — урт-дуун) и выходец из Внутренней Монголии С. Ультзий, 56 лет (исполнял эпос в традиции «письменного улигера» — бенсен улигер).

Экспедиция работала в различных пунктах Центрального и Средне-Гобийского аймаков. Песни и инструментальная музыка записаны от уроженцев девяти аймаков.

Кроме песен, зафиксированы образцы народной инструментальной музыки, исполнявшейся на лимбе (род флейты), хуре (струнный смычковый), шанзе и ятге (струнные щипковые инструменты).

Среди звукозаписей экспедиции — песни различных этнических групп населения Монголии — баргутов, борджигинов и др.

Материалы, собранные в Монголии, дают возможность фирме «Мелодия» выпустить долгоиграющую пластинку с лучши-

ми, наиболее ценными в художественном и научном отношении образцами монгольской народной музыки.

В Мордовии работали Н. М. Владыкина-Бачинская (член Всесоюзной фольклорной комиссии ССК) и Т. И. Одинокова (Саранский Дом народного творчества). Они побывали в пяти районах республики: Атяшевском (с. Алово), Ельниковском (с. Маськино), Рузаевском (с. Левжа), Темниковском (с. Подгорное-Канаково) и Теньгушском (с. Шокша). В с. Шокша, ранее не посещавшемся фольклористами, были записаны песни на местном шокинском диалекте, близком эрзянскому. В музыкальном отношении шокинские песни отличаются как от мокшанских, так и от эрзянских.

Всего в Мордовии записано около 100 песен от женщин (свыше 40 чел.), преимущественно в возрасте 50—70 лет (четверо родились в конце XIX в.).

Среди записей имеются как архаические жанры мордовских песен — календарные (зимние и весенние), плачи (по умершим и свадебные), свадебные и эпические песни, так и более поздние лирические песни преимущественно балладного содержания. Большинство лирических, необрядовых, а также отдельные календарные (весенние) и свадебные песни исполнялись многоголосно, ансамблями в 4—5 человек. Наряду с мордовскими записаны также русские песни, издавна бытующие в Мордовии.

Фиксация неизвестных образцов напевов в многоголосном исполнении расширяет наше представление о хоровом складе мордовской песенности, его сходстве и различиях с русским многоголосием, а это — одна из важных проблем в изучении межнациональных фольклорных взаимосвязей, имеющая особое значение в советском финно-угроведении.

Собранные материалы после обработки поступят в архив ВНИИИ.

Н. М. Владыкина-Бачинская